

УДК 81,42

Т.А. Демешкина

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА
В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ Н.В. ГОГОЛЯ¹**

Анализируется эволюция пространственных представлений в письмах Н.В. Гоголя, написанных из Рима и Неаполя в период с 1837 по 1847 г. и имеющих разную адресацию. Делается вывод о том, что описание внешнего пространства уступает место описанию внутреннего пространства, которое может быть типологизировано по разным основаниям. Анализируются статическая и динамическая модели пространства.

Ключевые слова: пространство, модель, дискурс, коммуникация.

Дискурсивная природа эпистолярия детерминирует его понимание как целенаправленного речевого действия, основанного на личностном общении автора и адресата.

Исследователи эпистолярного наследия классиков русской литературы отмечают такие свойства частного письма, как письменная форма кодирования, личностный характер изложения, общность/различие интересов коммуникантов и постоянство их взаимодействия, тематическая прерывистость и политематичность, относительная свобода организации языкового материала и доверительность интонации повествования [1. С. 11]. Несмотря на камерный характер писем, в них отражен социокультурный контекст эпохи, представлены философский, религиозный, этический и эстетический компоненты. Одной из основных функций эпистолярной коммуникации является фатическая, или контактоустанавливающая. В письмах Н.В. Гоголя нет элементов установления и размыкания контакта, что свидетельствует об отсутствии фатического компонента.

Это касается, прежде всего, начальных элементов письма – обращения и приветствия, которые являются единичными. Большинство же текстов начинается с описания собственных речевых действий: «*Насилу мог я управиться с своею книгою и теперь только получил экземпляры для отправления вам*» (В.А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г.); «*Нет, больше не буду говорить ни слова о немцах*» (М.П. Балабиной от 5 сентября 1839 г.).

Считается, что нарушение начальной этикетной формулы характерно для дружеского письма анализируемого периода [2. С. 84], но у Гоголя нарушение этикетной рамки встречается не только в дружеской переписке. См., например, письмо епископу Харьковскому Иннокентию (1842 г.), письма В.А. Жуковскому, матери, женщинам и т.д.

Реже отсутствуют конечные этикетные элементы. В подавляющем большинстве в письмах присутствуют заключительные элементы прощания, просьбы чаще писать, не забывать, надежда на ответ и реализуется установ-

¹ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

ка на продолжение диалога: «*Обнимаю Вас. Передавайте поклон всем нашим. Вас очень любящий Гоголь*» (Неаполь 1947. С.Т. Аксакову). Подпись присутствует в большинстве писем, и ее языковое воплощение отражает ролевое взаимодействие и тип отношений между коммуникантами.

Таким способом автором писем ликвидируется прерывность коммуникации, сокращается пространственная и временная дистанция, и письмо предстает перед нами не как отдельный коммуникативный акт, а как часть общего дискурса.

Кроме того, отсутствие этикетных формул позволяет сфокусировать внимание на содержательном компоненте общения и отражает то тяжелое душевное состояние, в котором находился писатель в этот период жизни.

Диалогичность как свойство дискурсивности очень ярко проявляется у Гоголя через обращения, наставления в тексте самого письма.

Специфику письменной коммуникации составляет ее дистанционность во времени и пространстве. Пространственный параметр в тексте письма проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, отмечается место написания письма, во-вторых, сам текст в силу своей семиотической природы имеет пространственные характеристики. Различные пространственные параметры используются при характеристике содержания и объема письма: глубокое письмо, длинное, короткое, большое, маленькое.

Дискурсивные модели пространства, представленные в эпистолярном наследии, имеют национально-культурную специфику. О.П. Ермакова отмечает, что «склонность воспринимать и оценивать мир в пространственных категориях – очевидно, явление универсальное, но представляется возможным предположить, что это особенно характерно для русского менталитета» [3. С. 290].

Пространственный компонент реализован в содержательной структуре писем Н.В. Гоголя на уровне диктумных и модусных смыслов.

В диктуме представлены внешнее и внутреннее пространство, определенным образом соотносящиеся друг с другом. При описании внешнего пространства писателем используются разные коммуникативные стратегии, и с этой точки зрения противопоставленным оказывается пространство Неаполя и пространство Рима. При описании Неаполя писатель использует стратегию отстраненности. Описание Неаполя представлено как панорама, открывающаяся взору. Основным видом восприятия является визуальное. 30 июля 1838 г. он пишет матери из Неаполя: «*Вид Неаполя, как вы, я думаю, знаете из описаний, удивительный* (здесь и далее подчеркнуто мною. – Т.Д.). *Передо мною море, голубое как небо. Свет солнца, цвет моря, горы, лиловые и розовые раскаленные красные камни, небо – светло-голубого цвета*».

Неаполь – город-картина. И Гоголь сам отмечает это при описании лазурного грота на Капри: «...несколько плавающих и кричащих моряков и лазарони оживляли картину», «...скалы и утесы здесь картинны».

Автор писем выступает здесь как сторонний наблюдатель, зритель («спектакль удивительный»), не вовлеченный в описываемое пространство. Он любуется пространством, восхищается, но не живет в нем, в тексте нет никаких показателей, которые маркировали бы пространство по признаку

освоенности. Это удивительно красивое, эффектное, зрелищное пространство, но оно не свое.

Иная коммуникативная стратегия избирается автором при описании Рима. Описание Рима метафорично. Пространство города моделируется посредством двух основных метафор: «Рим – это книга» и «Рим – это живое существо». Гоголь пишет А.С. Данилевскому: *«Я начинаю теперь вновь чтение Рима»* (Письмо от 5 февраля 1839 г.).

Обе метафоры являются дискурсивными, их развертывание осуществляется в рамках объемных фрагментов текста. Достаточно заметить, что модель «Рим – живое существо» является организующим началом для отрывка «Рим». Площади и т.п. – это собеседники Гоголя, он ведет с ними диалог. Свой мир, по замечанию А.Б. Пеньковского, – это мир имен собственных [4. С. 57], и письма Гоголя подтверждают это наблюдение: *«Пьяцца Барберини также нижайше вам кланяется. Бедняжка! Она теперь совсем пустыня; ...Колисей <...> хмурит брови, его лоб делается гневным и суровым, а его трещины – эти морщины старости – кажутся мне тогда мрачными и угрожающими, так что я испытываю страх и ухожу испуганный»* (М.П. Балабиной, 15 марта 1838 г.).

Пространство Рима Гоголь описывает как освоенное; он в нем уже не сторонний наблюдатель, а активный деятель. Членение событийного пространства осуществляется по многим основаниям: свое – чужое, бытовое и бытийное, живое и неживое, вечное и сиюминутное: *«В Риме завелось очень много новостей. Здесь происходят совершенные романы и совершенно во вкусе средних веков Италии»* (М.Б. Балабиной, 7 ноября 1838 г.).

И бытийное, и бытовое пространство города организуется населяющими его объектами (топонимами и антропонимами) и имеет высшую степень расчлененности, что также свидетельствует о степени его освоенности. 5 февраля 1839 г. Гоголь пишет А.С. Данилевскому о Жуковском: *«Пусто мне без него. Это был какой-то небесный посланник ко мне, как тот мотылек им описанный, влетевший к узнику»*. В описании Рима актуализированной оказывается модель пространства в понимании Лейбница.

Анализ писем показывает, что в этот период начинается эволюция пространственных представлений Гоголя.

Описание внешнего пространства уступает место описанию внутреннего, и автор сам фиксирует этот переход, а точнее, уход из физического (внешнего) пространства в психическое и духовное (внутреннее).

В письмах мы находим несколько упоминаний об этом уходе, замыкании в себе. *«Ты спрашиваешь, зачем я не говорю и не пишу к тебе о моей жизни, о всех мелочах, об обедах и проч., и проч. Но жизнь моя давно уже происходит вся внутри меня, а внутреннюю жизнь (ты сам можешь почувствовать) не легко передавать* (А.С. Данилевскому, 26/14 февраля 1843 г.); *«Все, что мне нужно было, я забрал и заключил в себе в глубину души моей. Там Рим как святыня, как свидетель чудных явлений, совершившихся надо мною»* (Ему же. 7 августа 1841 г.).

Показательно, что когда Гоголь уходит в себя, с собой он забирает именно пространство Рима.

Таким образом, уже с 1841 г. из писем исчезают все очертания физического, внешнего, географического пространства, уступая место описанию внутреннего пространства. Единственным маркером географического пространства является указание на место написания.

Локусами внутреннего мира выступают в письмах Н.В. Гоголя *душа, болезнь, тоска*, которые конструируются по типу внешней пространственности.

Фактами коммуникации эмоционального и ментального мира становятся религиозно-философские искания, чувства, эмоции, саморефлексия писателя. Внутреннее пространство в письмах Гоголя представлено как сугубо эгоцентрическое, в нем преобладает пространство души, занимающей, по наблюдению А.Д. Шмелева, «центральное место в русской языковой модели» и совмещающей «свойства материального и идеального, интеллектуального и эмоционального» [5. С. 300]. В силу отмеченных свойств, концепт «душа» неоднократно становился объектом анализа лингвистических штудий (см. [3, 5, 6] и др.).

По наблюдению исследователей, душа (нематериальное начало) концептуализируется по аналогии с материальным органом, локализованным в теле и обладающим формой. Душа обладает свойством испытывать физические ощущения [6. С. 99]. Предназначение души, по Гоголю, заключается в общении с людьми и Богом. Как материальный орган, душа занимает определенное место: «*Если бы Вы знали положение души моей*» (М.П. Балабиной, 30 мая 1839 г.) может быть больной или здоровой: «*Христос исцелил болящую души*» (О.В. Гоголь, 20 января 1847 г.).

С точки зрения формы душа устроена как вместилище, имеющее внешнюю поверхность и внутреннее пространство. Внешняя поверхность моделируется через употребление предлога «на»: «*но грех был бы на моей душе*» (М.П. Погодину, 17 октября 1840 г.), «*ты должна говорить все, что есть на душе*» (А.В. Гоголь, 25 марта 1841 г.), «*почувствовать на душе совесть*» (В.А. Жуковскому, 18/6 апреля 1837). Пространство души мыслится как статичное, фиксированное пространство, по отношению к которому совершаются разнонаправленные движения.

Движение от души – «*пишется прямо от души*» (В.А. Жуковскому, 18/6 апреля 1837 г.) – показатель того, что осуществляется передача «своего», оцениваемого положительно.

С души – воспринимается как освобождение от «плохого»: «*гоните прочь с души всю муть*» (В.А. Панову, лето 1841 г.). Вместе с тем освобождение пространства души от некоторых объектов воспринимается как утрата и создает пустоту пространства, оцениваемую в эмоциональном плане отрицательно. О смерти А.С. Пушкина писатель пишет В.А. Жуковскому в апреле 1837 г.: «<Утрата> *оборвала с моей души лучшие ее украшения и сделала ее обнаженнее, печальнее*».

У Гоголя нет фиксации движения во внутреннее пространство, оно закрыто для внешнего мира, а есть только движение во вне, которое оценивается амбивалентно: «*освободить свою душу от всего тяжкого, что лежит на ней*» (О.В. Гоголь, 20 января 1847 г.).

Как любая поверхность, душа может быть подвергнута загрязнению и нуждается в очищении. В письмах Гоголя достаточно часто акцентируется

свойство чистоты: «Мне нужно быть слишком чисто душой»; «с каждой минутой душа все чище» (Н.Н. Шереметьевой, около 20 марта 1843 г.).

Душа концептуализируется какместилище, наполненное жидкостью: «и у тебя такая мелкая душонка» (А.В. Гоголь, 13 октября 1840 г.); «гоните прочь с души всю муть» (В.А. Панову, лето 1841 г.); «до самой глубины души» (М.П. Погодину, 1 декабря 1838 г.).

Пространство души обладает количественными характеристиками «доставало столько малодушия» (А.В. Гоголь, 13 октября 1840 г.), имеет горизонтальные и вертикальные параметры: «Далеко, до самой глубины души тронуло меня ваше беспокойство обо мне» (М.П. Погодину, 1 декабря 1838 г.); «Вы в этот один год так выросли и образовались чувствами, мыслями и душой» (М.П. Балабиной, 30 мая 1839 г.); «окрестность души», «высокая душа».

Динамичная модель внутреннего пространства представлена через описание эмоций, которые перемещаются во внутренний мир человека. Внутренний мир может быть «населен» эмоциями, впечатлениями, перемещенными из внешнего пространства: «доставите нам большое удовольствие» (М.П. Балабиной, 15 марта 1838 г.); «письмо принесло мне много радости»; «во мне вдруг поселилась уверенность» (М.П. Балабиной, 7 ноября 1838 г.).

Описание «населенности» внутреннего пространства невидимыми, нематериальными объектами осуществляется по принципу описания внешних пространственных характеристик и является в высшей степени метафоричным.

Характерная черта писем Н.В. Гоголя – чрезвычайная детализация, разработанность внутреннего пространства. Вербализованными оказываются этические и моральные концепты. Это совесть, грех, благородство, справедливость и т.д.: «еще есть частица благородства в его душе» (М.И. Гоголь, 14 ноября 1846 г.); «почувствовать на душе совесть» (В.А. Жуковскому, 18/6 апреля 1837 г.); «но грех был бы на моей душе» (М.П. Погодину, 17 октября 1840 г.). Представлены и эстетические характеристики: «высокой душе его знакомо все прекрасное» (Графине Л.К. Виельгорской, 16 января 1847 г.).

Таким образом, для писем Гоголя характерно описание души какместилища, внутреннее пространство и внешние границы которого детально разработаны, что отражает его внутреннюю погруженность в себя, величайшую степень саморефлексии.

Динамическая модель внутреннего пространства представлена через прием персонификации: «У меня теперь в городе много таких знакомых, с которыми любила беседовать моя душа» (М.И. Гоголь, 16 мая 1838 г.); «расстроенная душа» (М.П. Погодину, 17 октября 1840 г.); «добрая, молящаяся о всех нас душа» (священнику отцу Матфею Константиновскому, 9 мая 1847 г.); «Слушай, моя душа; «Прощай, моя душа» (А.В. Гоголь, 13 октября 1840 г.).

Душа у Гоголя представлена как предмет, имеющий пространственные характеристики. Динамика обусловлена следующими факторами:

1) с этим предметом можно производить определенные манипуляции (брать, отдавать, передавать и тем самым объединять людей в пределах общего пространства, разъединять их): «отнять у меня и глубину чувств, и душу, и сердце» (М.П. Погодину, 17 октября 1840 г.);

2) предмет может изменять свое состояние и форму: *«не думай, чтобы душа моя могла грубо зачерстветь»* (О.В. Гоголь, 20 января 1847 г.); *«крушилась по нем душа»* (М.П. Балабиной, 30 мая 1839 г.); *«душа твоя крепнет»* (О.В. Гоголь, 20 января 1847 г.).

Душа у Гоголя получает разные способы концептуализации. В целом ряде писем душа предстает как невидимое нематериальное начало, концептуализируется писателем по типу другого материального органа, локализованного в теле, и с этой точки зрения душа обладает целым рядом характеристик, общих с сердцем.

Об этом свидетельствуют контексты, в которых душа и сердце употребляются в одном синонимическом ряду *«отнять у меня и глубину чувств, и душу, и сердце»* (М.П. Погодину, 17 октября 1840 г.); *«добра душой и сердцем»* (Е.В. Гоголь, 6 апреля 1847 г.); *«живут /люди/ в уме своем, а не преимущественно в душе и сердце»* (А.О. Смирновой, 20 апреля 1847 г.).

В письмах 1842–1847 гг. душа в большей степени концептуализируется как дух. Это некая нематериальная, летучая субстанция, которая не локализуется внутри человека. Дух обладает свойством свободного перемещения во времени и пространстве.

В письмах Гоголя из Италии представлена вертикальная стратификация пространства души. Движение осуществляется по вертикальной линии к небесной высоте. Душа в большей степени представлена как идеальное начало, соединяющее человека с Богом, с небом: *«возвысить нашу душу и устремить ее к небу»* (М.И. Гоголь, 22 декабря 1837 г.); *«эта небесная, безоблачная душа уже на небесах»* (С.П. Шевыреву, 11 февраля 1847 г.).

Небо занимает особое место в пространственных описаниях, и в этом, видимо, сказалось влияние Италии. В письмах наблюдается трансформация восприятия неба как субстанции. В письмах 1837–1838 гг. описание неба вводится через перцептивную модальность, через цветочные эпитеты. Небо воспринимается органами чувств как часть макрокосмоса, внешнего пространства. Космологическая модель мира реализуется у Гоголя через оппозицию небо – земля, сосуществующие в одном контексте: *«А небо, о Боже, как прекрасно небо. Оно ясно как глаза»*; *«Здесь тепло как летом, а небо, небо совершенно кажется серебряным»* (А.С. Данилевскому, 15 апреля 1837 г.). Восторг писателя подчеркивается лексическими повторами: *«Вы не поверите, как грустно оставить на один месяц Рим и мои ясные, мои чистые небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю»* (М.П. Балабиной, 30 мая 1839 г.).

В последних письмах из Италии небо осмысливается Гоголем как вид сакрального пространства и наделяется глубоким мировоззренческим смыслом, присущим религиозному сознанию. Душа связывает человека с высшим духовным началом: *«Все люди стали как одна семья, и загорелась небесная любовь на земле»* (О.В. Гоголь, 20 января 1847 г.). Таким образом, оппозиция земля – небо сохраняется, но наделяется принципиально иным смыслом религиозного характера. В вертикальной модели пространства реализована тоска по утраченному раю, отражены то тяжелое душевное состояние и творческое перенапряжение, которые испытывал в эти годы Н.В. Гоголь.

Говоря о семантике пространства в эпистолярном наследии писателя, трудно обойтись без обращения к хронотопу дороги, в котором реализована «анимационная» модель пространства. Отметим, что именно дороги, а не пути. Лексема *путь* лишь один раз встречается в тексте писем в переносном смысле и актуализована не по отношению к самому Гоголю: «*Нужно же когда-нибудь направить <...> на прямой путь*» (А.С. Данилевскому, 15 апреля 1847 г.). Дорога связывает разные типы пространств. Гоголь пишет 17 октября 1840 г. М.Г. Погодину: «*Ни Рим, ни небо, ни то, что как бы причаровало меня, ничто не имеет теперь на меня влияния. Я их не вижу, не чувствую. Мне бы дорога теперь да дорога, в дождь, в слякоть, через леса, через степи, на край света*».

Дорога для писателя – это возможность выхода из пространства тоски, болезни, путь к спасению и сохранению пространства внутреннего и его связи и гармонии с пространством внешним. Он пишет С.Т. Аксакову 28 декабря 1840 г.: «*Дорога удивительно спасительна для меня*»; «*Дорога, дорога! Я сильно надеюсь на дорогу. Она же так теперь будет для меня ввойне прекрасна*».

Ю.М. Лотман отмечает, что «в средневековую утопию обязательно входил локальный признак дальности. Прекрасная земля – земля, путь в которую долог. Средневековые понятия географического пространства были понятны обладающему острой исторической интуицией Гоголю» [7. С. 303]. В подтверждение своей мысли автор приводит эпизод из повести «*Страшная месть*». Соглашаясь с этим утверждением, выскажем предположение, что специфика реализации модели пространства в текстах Гоголя обусловлена не только его исторической интуицией, но и мифологичностью сознания писателя.

Итак, в письмах Гоголя из Италии при описании пространства отражены и мифологический, и религиозный типы сознания. Динамика описания пространства (от внешнего к внутреннему) обусловлена тяжелым душевным состоянием писателя и его творческим кризисом.

Литература

1. Ковалева Н.А. Русское частное письмо 19 века: Коммуникация. Жанр. Речевая структура. М.: СпортАкадемПресс, 2001.
2. Фесенко А.П. Дружеский эпистолярный дискурс пушкинской поры. Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2008.
3. Ермакова О.П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.С. Левонтина. М., 2000. С. 289–298.
4. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. М.: Наука, 1989. С. 54–61.
5. Шмелев А.Д. «Широта русской души» // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.С. Левонтина. М., 2000. С. 357–367.
6. Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск, 2007. С. 78–109.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб., 2000.

Источники

Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9: Письма / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М.: Рус. кн., 1994. 784 с.